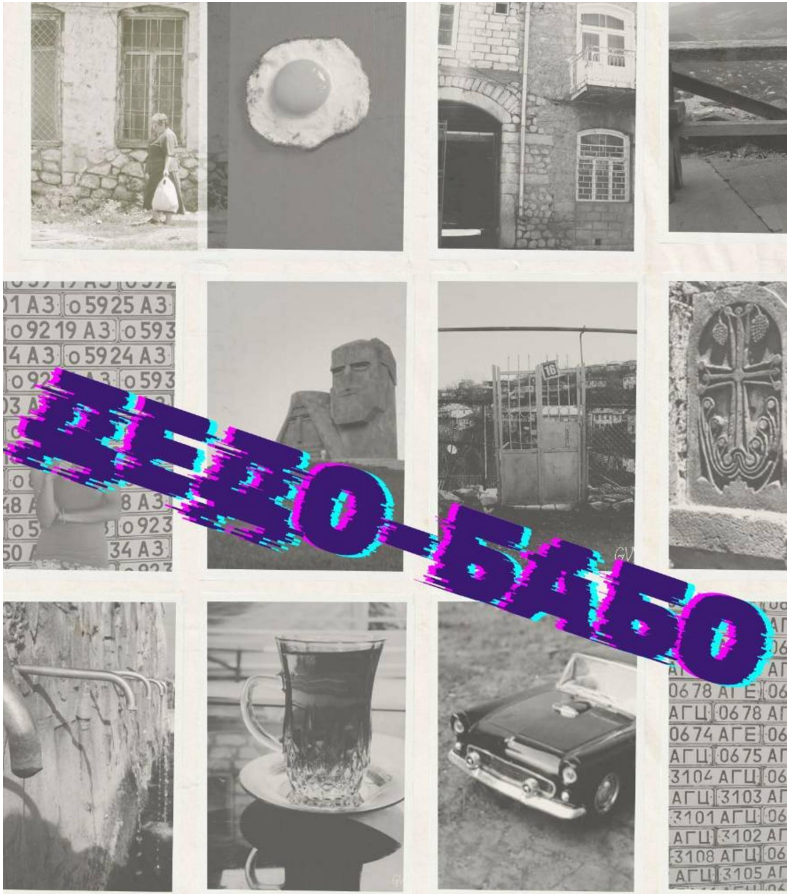
ДЕДО-БАБО
Проза памяти
ГЛОЯН ВАЛЕНТИНА

Валентина Глоян
Дедо-Бабо

https://litres.ru/74001969
SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами первая часть цикла мемуарных рассказов «Дедо-Бабо».

Это книга о семье, памяти и Арцахе, увиденном глазами ребёнка, гостя и потомка. Здесь нет больших политических событий и исторических исследований. Здесь живут люди: бабушки и дедушки, дети и родители, соседи и родственники. Они смеются, спорят, собираются за круглым столом, ходят за водой к роднику, играют на пыльных улицах и пытаются сохранить свой мир среди войн, разлук и перемен.

Каждый рассказ — отдельное воспоминание, маленькая история из жизни одной большой семьи. Вместе они складываются в мозаику исчезающего времени, где ещё звучит карабахский диалект, пахнет горячим женгялов хацем, а старые дома хранят память нескольких поколений.

Эта книга — первая часть большого семейного повествования. Впереди новые истории, новые судьбы и воспоминания, которые продолжают жизнь Дедо и Бабо — людей, ставших символом целого поколения.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 27

Валентина Глоян
Дедо-Бабо

Пятеро в пути

Серпантинные дороги юга — длинные, извилистые, горные — были окутаны дымящейся красной пылью, которая ложилась тонким слоем на каменистые холмы. Старенький УАЗ, выживший ещё со времён последней войны, лениво переправлял десятерых пассажиров. За рулём сидел истощённый мужчина средних лет — худой, морщинистый, в выцветшем и местами порванном военном камуфляже. Он молча вел машину по опасным поворотам, будто знал каждую ямку, каждый камень. Его руки — сухие, жилистые — уверенно держали руль, а взгляд был спокойным, как у человека, который видел слишком много и давно перестал удивляться. Пыль оседала на его плечах и волосах, но он никак не реагировал — будто был частью этой дороги, частью этих гор

Кому-то эта дорога была знакома: приходилось уже не раз пересекать этот восьмичасовой путь. А кто-то ехал впервые — прилетев из далёкой Сибири, чтобы навестить родных и показать своим детям, сыну и дочери, малую родину — Карабах.

Её звали Севела. Красивая, черноволосая, черноглазая молодая женщина лет тридцати. Густые, жгуче-чёрные во-

лосы были собраны в высокую косу, и несколько прядей падали на тонкую, хрупкую шею, украшенную золотой червовой цепочкой. Севела любила яркость — насыщенные тени на веках, сочную помаду. В одежде она всегда выделялась: широкие юбки, красивые топы, подчёркивающие её пышную грудь и тонкую талию.Этой поездки она ждала давно. Два года уговаривала мужа, чтобы он позволил любимой карабахской жене вернуться на родину и показать детям землю предков. Он боялся. Причины были — война.

Всю дорогу Севела не могла сомкнуть глаз: ей хотелось разглядеть каждый горный, южный пейзаж Армении, который она раньше никогда не видела. Каждый поворот серпантина вызывал в ней вдохновение, а у её детей — очередную волну тошноты. Как ни старалась Севела, особенно дочь, никак не могла поднять голову и посмотреть в окно старого, запылённого УАЗа на красоту вокруг. Но Севела не сдавалась. Она показывала сыну — мальчику с большими карими глазами и богатым воображением — весь этот мир, который казался ей волшебным. Сын слушал маму с удовольствием, а Севела не могла остановиться в своих рассказах, превращая всё вокруг в нечто магическое.

— Ладно, да! Можно столько говорить?! — с заднего сиденья ворчливо, но живо вмешалась сестра Севелы, Шушаник. — Всю дорогу всему радуетесь. С России они приехали! Как «чтесы»! Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась тётя.

— Тётя Шушаник… — хотел ответить сын Севелы, но

Шушаник перебила:

— Кто тебе там «тётя»? Я — Шушаник! Пойдёшь своих сестер отца «тётями» называть. Я ещё жить хочу. Вай, ты мой хороший! Выйдем — тебя поцелую, — успокоила она мальчика.

Шушаник была полной противоположностью Севелыы: шумная, кудрявая, выразительные глаза обведены карандашом, губы накрашены контуром чуть шире естественной линии. Она была красивая, энергичная, завораживающая. Фигура — как она говорила — «настоящая армянская: бедристая, кудрявая, с грустными глазами, но с улыбкой как у француженки — всегда на веселе».

Ей было лет тридцать пять. Не замужем, но окружена множеством поклонников, которые казались ей скучными. Работать она любила, но никто толком не знал, кем она работает: Шушаник умела всё. Могла учить детей математике, языкам, музыке и танцам; ставила диагнозы родственникам и возила по врачам; делала уколы всем знакомым и незнакомым; помогала в бухгалтерии тем, кто не умел считать деньги. А по вечерам гадала на картах — и ей верили, а её это только веселило.

— Слушай, Севела, твоя дочь вообще дышит? Ха-ха… — решила отвлечь девочку Шушаник. — Малыш, как доедем — накормим тебя куркутом[1], и всё наладится!

---

[1] Традиционное блюдо армянской кухни, особенно распространённое в Арца-

В ту же секунду девочка открыла глаза и не сдержавшись, бросила кусочек рвоты на подол маминых брюк.

— Да хватит уже, хохан мехка… — встревоженно сказала женщина лет пятидесяти пяти.

Она была спокойной и красивой для своих лет — миндалевидные глаза, алые губы, безупречно белая морщинистая кожа. На щеке, чуть выше губ, выделялись две крупные родинки. Чёрные коротко подстриженные волосы ровно лежали, подчёркивая форму головы. Это была бабо[2]— мама Севела и Шушаник. Дрожащими руками она нежно гладила худенькую спинку девочки и тихо приговаривала:

— Мало осталось, потерпи, матах иним[3]…

Таким образом весёлая команда из пяти человек двигалась вперёд — к своей земле, к дому, к воспоминаниям, к миру с дальним и великим прошлым.

Усатый дядя

Севела оторвала глаза от крутого поворота — и перед ней раскрылся дорогой сердцу вид: город Степанакерт[4].

хе. Это густая, сытная каша, которую готовят из особого вида дроблёной пшеницы (куркута) и мяса — чаще всего баранины или говядины.

[2] Нежное слово, которым называют бабушку. Так дети и внуки обращаются к ней с любовью и теплотой.

[3] «Մատաղ ինիմ» если перевести буквально: «сделаю матах», «я принесу жертвенное приношение (матах)» — то есть дам обет Богу из благодарности или с просьбой.

[4] Степанакерт — главный город Нагорного Карабаха, его административный

Водитель УАЗ[5]-а — истощённый мужчина средних лет, худой, морщинистый, в потрёпанном военном камуфляже — выключил патриотические маршевые песни, звенящие барабанным гулом, и включил более лёгкую темповую мелодию. Слова новой песни проступали постепенно, будто сквозь дымку: «На свете лучше города нет… Степанакерт».

— Сынок, посмотри, какой город красивый, маленький… Мы так высоко! Сейчас уже окажемся в нём! — восхищённо сказала Селена, привлекая внимание сына.

— Здесь дорога в Шуши[6]! Севела, помнишь? — спросила Шушаник.

— Помню! Сынок, мы и туда поедем. Город там словно волшебный — вечный и туманный, — продолжала вдохновлённая Селена.

Город встречал своих гостей под горячими июньскими лучами. Он был чистым, заасфальтированным, с невысокими зданиями, в окнах которых кипела жизнь. На балконах развевалась летняя стирка, натянутая от этажей к столбам во дворах, поставленным специально для верёвок сушки белья. Дети, счастливые от каникул, в лёгких летних костюмах гоняли футбольный мяч — это было то самое лето, которое никуда не спешило. И люди не спешили.

и культурный центр

[5] Советский полноприводный автомобиль повышенной проходимости, широко распространённый в Армении и Карабахе в 1990-е годы.

[6] Шуши (арм. Шуши, азерб. Шуша) — один из самых древних и значимых городов региона Карабаха.

Дядя Ашот продавал свежую зелень у въезда во двор автовокзала. Тётя Нона, неторопливо шагая на рынок, уже представляла, как будет лепить женьгалов-ац из купленной зелени. Детский акушер Степа направлялся туда же — за очередной порцией *женьгалов аца*[7] для гостей из Армении.

Степа был настоящим обликом местного мужчины — невысокий, коренастый и, конечно же, с усами. Усы он носил с юности, вернее — со школьной скамьи. Как только в пятнадцать лет появились первые ростки, он решил: не сбривать. Для него это было символом мужества, взросления — дух семидесятых, который он носил на себе. Почему он выбрал профессию акушера, Степа объяснить родителям так и не смог. Они восхищались его желанием, хоть и не до конца понимали, откуда оно взялось. Получив образование и вернувшись в родной город, он по знакомству устроился в первую городскую больницу. Практики хватало: женщины рожали часто, щедро и ежедневно. Через три года круглосуточной работы он накопил на первую мечту — на белоснежную «шестёрку» с рыжим бархатным салоном. Такой машины в городе ещё не было.Но помог покупкой не только труд, а и отец — строгий Сандро, человек с твёрдым характером и возможностями.

— Сынок, купим тебе машину, как хочешь. Но после это-

---

[7] Женгялов ац (арм. «ժենգյալով հաց») — одно из самых известных традиционных блюд Арцаха.

го — женишься. Тебе уже тридцать, — наставлял Сандро.

Степа подчинился. Через неделю, объехав весь город на своей сияющей «шестёрке»[8], он решился искать невесту. Но оказалось, что мама, Эмилия, уже занялась этим делом сама. Невесты одна за за другой отвергались Сандро: одна — с усами, как у него самого; другая — слишком худая; третья — чрезмерно умная и высокомерная. Эмилия не знала, что делать, обзванивала всех сестёр с новыми указаниями и поисками, пока однажды Степа сам не вышел на веранду, где мать чистила летнее лобио, и сказал:

— Мам, я нашёл. Её зовут Лала.

Степа встретил своих гостей во внутреннем дворе автовокзала — в тот самый момент, когда дюжина таксистов плотным кольцом окружила УАЗ, выкрикивая «удобные» цены для перевозки. Ему приходилось сдержанно отталкивать приставучих водителей, прося дать пройти. Пока он шаг за шагом пытался пробиться вперёд, не повышая голос, вдруг услышал до боли знакомый крик Шушаник:

— Достали, да! Я тебе что, мешок, чтобы меня перевозить?! Иди отсюда! Мам, медленно спускайся! Севела, очнись, держи детей! Убегут же, потом не найдём!

Перед Шушаник появилось лицо любимого Степы — большие, печальные глаза, резко поседевшие волосы и белые

---

[8] VAZ-2106 — советский легковой автомобиль, который в народе называли «шестёрка».

усы, из-под которых виднелись два зуба. И тут она вдруг задумалась: за пятнадцать лет она ни разу не видела его зубов.

«Может, он беззубый? Как моя сестра с ним живёт тогда? А ей вообще его зубы зачем?» — мелькнуло в голове.

— Привет, Степа! Вот и мы! — наконец выбираясь из человеческой стены, произнесла Шушаник.

За ней показалась Севела, таща за руки своих двух детей. Следом, медленно и внимательно оглядывая всех вокруг, появилась бабо, словно ища кого-то. Несколько минут все громко, радостно, перебивая друг друга, обменивались объятиями и поцелуями. Степа провёл их к машине. Шушаник сразу объявила, что имеет полное право сесть впереди, потому что именно она честно выдержала всех четверых в этом сложном пути. Звонко смеясь, она хлопнула дверцей, и белоснежная «шестёрка» понеслась по солнечным улицам города.

Шушаник всё смеялась и рассказывала, как страдала от голода, но ради женьгалов аца и горячего карабахского чая в тёплом доме Степы, была готова терпеть и нудные разговоры Севелы, и странный писк её сына-Арама, и рвоту её дочки-Нины. Бабо же молчала. Она ждала, ждала одного- когда ее отвезут в ее дом, в ее деревню.

Love is…

Этот город был богат атмосферой любви. Казалось, са-

ма улица дышит ею. Каждая улочка ловила взгляды тайных влюблённых, прятала робкие объятия и хранила красноречивые полушёпоты.

Подростки поджидали своих любимых на скамейках под тенями трёхэтажных зданий центральных улиц. Другие — у городских родников, делая вид, что срочно нужно наполнить принесённый из подвала пустой баллон, лишь бы на миг поймать взгляд юной карабахской красавицы.

Молодые парочки встречались в разных уголках города: в небольшом парке с одинокими аттракционами, на круглой аллее, где густые ветви акаций позволяли спрятаться от чужих глаз.

По вечерам многие выходили на центральную площадь — прогуляться, показать себя, посмотреть на других и бесконечно здороваться с проходящими мимо знакомыми. Всех занимало одно: кто с кем идёт. Новые пары ходили чуть поодаль друг от друга — слишком тесная прогулка означала скорую помолвку и уже становилась предметом обсуждений.

Двадцатилетнему Гагику тоже пришлось испытать страсть и чувства, которые не помещаются в рамки. Он недавно вернулся из армии. Молодой, загорелый, коренастый, с отчётливо горной внешностью: нос с лёгкой горбинкой, большие глаза цвета чёрного изюма, алые губы. Он был активным, а когда нужно — дерзким. Из-за прямоты и привычки лезть «не в своё дело» служба давалась ему нелегко, но к послед-

нему году он стал любимчиком всей роты. После возвращения Гагик решил подписать контракт и продолжить офицерскую службу. Но перед этим ему дали пару месяцев отпуска.

Уже в первый день, прогуливаясь по парку возле старой цепочной карусели, он увидел её — Люси. Стройная девушка с каштановыми волосами средней длины и красивыми карими глазами шла мимо, держась за руки, вероятно, со старшей сестрой. Гагику показалось, что именно аромат её духов зацепил его внимание. На ней были джинсы и белая облегающая футболка, подчёркивающая её плоский живот. Гагик замер — ему стало интересно.Он резко схватил за рукав друга детства, Нико, и молча потянул за собой. Держась метрах в трёх, он услышал, как сестра обращается к девушке:

— Люси…

На её плече висела маленькая розовая сумочка — почти пустая. «Почему девушки носят пустые сумки? В чём смысл?» — подумал Гагик. Темнело, и он понял: если Люси направится к выходу, он потеряет её. Поэтому решил следовать за ней. Нико сопротивлялся, считая идею абсурдной:

— С чего тебе это вдруг? — ворчал он. — Может, она не отсюда? Может, она вообще замужем?!

— Ты реально дурак! Посмотри на неё! Она другая… тихая. Она тихо дышит. Тихо смотрит. Тихо думает. Она тихо пахнет собой. Мне нужно понять её тихое сердце.

— Гагик?! Брат, с тобой всё в порядке? Ты там в армии

головой случайно не ударился? Странно ты говоришь. Скажи просто: понравилась девка — и всё. А то другой услышит, издеваться начнёт.

Нико был добрым и щедрым другом. Он всегда был рядом с Гагиком — зимой и летом, днём и ночью. Два года службы дались Нико особенно тяжело: он скучал по другу, пытался дозвониться, вырывался к нему в редкие отпуска. Теперь они снова вместе, но обоим предстояло привыкнуть к тому, что Гагик вскоре уедет на новую службу — в отдалённый регион.

Они продолжили следовать за девушкой и увидели, как она садится в маршрутное такси, на котором большими буквами было написано: *Кркжан* — самый дальний район города. Гагик не растерялся: молча потянул за собой высокого друга в уже переполненную маршрутку. Им пришлось стоять — согнув головы под низким потолком — всю дорогу, почти пятнадцать минут. Гагик не сводил глаз с Люси ни на секунду. Она сидела у окна, смотрела на тёмные вечерние пейзажи и иногда ловила своё отражение в стекле. В один из моментов она увидела в отражении большие, почти дикие, направленные прямо на неё глаза Гагика. Девушка смутилась, наклонила голову, надеясь, что этот странный взгляд исчезнет. Нико же всю дорогу пытался хоть как-то устроить голову под низким потолком, то и дело задевая его.

Когда Люси и её спутнице пришлось выйти, Гагик и Нико тут же последовали за ними. Девушки быстро пошли вверх по узкой улице — весь Кркжан стоял на склонах, где каждый

дом был на маленьком подъёме. Казалось, Люси что-то шепнула сестре, они переглянулись и ускорили шаг. Гагик боялся потерять её, как только она свернёт за очередной поворот.

Нико, потеряв дыхание и окончательно вымотавшись, застонал:

— Гагик, брат, прошу тебя… Я больше не могу. Мы сейчас до границы дойдём! Здесь такие люди живут — на нас собак спустят. Давай оставим её в покое и вернёмся завтра днём. Мы так и правда до границы дойдём…

— Нико! Хватит! — перебил его Гагик. — Она бежит — и мне всё больше хочется её догнать.

— Вай, ты меня пугаешь! Как маньяк, честное слово. Видно, ты там одичал… Женщин не видел!

— А ты, значит, видел, да? — усмехнулся Гагик. — Ты же ещё девственник!

— Вай, стыдно, дурак! Я давно уже нормальный!

Пока они препирались, Люси юркнула в зелёную калитку и тут же заперла её. Гагик услышал быстрые шаги по лестнице вверх. Дом стоял на возвышенности, куда вела узкая каменистая тропа. Внутри горел свет в трёх комнатах. Гагик почему-то почувствовал облегчение — словно знал её давно. Он видел её впервые, но переживал за неё так, как переживают только влюблённые.

На следующий день, не дождавшись и восьми утра, Гагик забрал у мужа сестры его шестёрку с государственными номерами — пообещал вернуть к обеду. Тот не нашёл в себе

сил отказать молодому офицеру: знал, каким тяжёлым был его двухлетний солдатский путь на границе.

К восьми тридцати Гагик уже стоял возле дома Люси.

К десяти утра она появилась за калиткой.

Люси была одета в белое платье в чёрный горошек. Волосы собраны сбоку, на плече висела маленькая чёрная сумочка. Она медленно спустилась по улице и подошла к остановке. После десяти минут ожидания подъехала маршрутка. Девушка вошла в неё, не подозревая, что вчерашние чёрные глаза уже с утра следят за каждым её шагом. Гагик поспешил завести машину и, не пропуская лишнего метра, следовал за маршруткой. Добравшись до центра города, недалеко от государственного университета, Люси вышла. Гагику пришлось проявить чудеса парковки, чтобы не потерять её. Он выбросился из машины, догнал девушку и встал перед ней, перекрыв дорогу своим мускулистым телом. Люси испугалась. Лицо побледнело, маленькие тонкие губы сжались, выделив розовую помаду по краю. Ноги дрогнули, руки вспотели. Она не успела осознать, что происходит. Гагик же стоял уверенно, как орёл, даже дыхание держал под контролем. Казалось, эта неподвижность длится вечность. Его взгляд как магнит заставил Люси поднять глаза. Она медленно вытянула шею и посмотрела прямо в глаза своему преследователю. Он же, опуская взгляд на её тонкую ключицу с маленькой родинкой, почувствовал, как теряет контроль — ему хотелось обнять её за талию.

В эту секунду он резко выдохнул, взял себя в руки и, словно японский воин, вытягивающий меч, вынул руку из кармана. Перед Люси оказался сжатый кулак Гагика. Девушка отпрянула — пугаясь и одновременно пытаясь понять, что он хочет.

— Не бойся. Смотри, — спокойно сказал Гагик.

Она посмотрела на раскрывающийся кулак. В его ладони лежала синяя жвачка «Love is…»[9]. Люси застыла от удивления, подняла глаза и тихо ответила:

— Я не возьму. Уходи.

Казалось бы, операция «блиц-криг» по завоеванию её сердца провалилась. Но Гагик так не думал.

Две недели подряд, каждый будний день, он преследовал Люси. Где бы она ни вышла — он встречал её, останавливал и снова протягивал ладонь. По выходным она не покидала дом, откусывала нижнюю губу и с тревогой наблюдала в окно: не появится ли на склоне улицы его знакомая фигура. Гагик был уверен: постоянство заставит её хотя бы взглянуть на него по-другому. И этот день настал. Однажды Люси всё же взяла из его ладони жвачку «Love is…».После этого их встречи стали частью вечернего Степанакерта: они гуляли по парку, по площади, смеялись. Он покупал ей сладкую вату и наблюдал, как её пальцы липнут от сахара и касаются слад-

---

[9] Жевательная резинка, известная своими маленькими вкладышами с рисунками и фразами о любви. На них изображена влюблённая пара, а подписи начинаются со слов «Love is…» («Любовь — это…») и описывают простые, тёплые моменты.

ких губ.

Потом он уедет на службу. А она будет ждать — ждать и мечтать о новых счастливых днях вместе со своим любимым, из мира их маленькой сказки «Love is…».

Встреча после выстрела

Особенностью этого города всегда были одноэтажные и двухэтажные дома, стоявшие так близко друг к другу, будто держались за руки. Казалось, что улица — это бесконечная цепь серых и красных крыш, уходящая в даль. Почти все дома имели широкие, мощные окна с белыми рамами, такие большие, что прохожему могло показаться — вот-вот увидит, что происходит внутри. Но нет. Комнаты находились ниже уровня окон, и создавалась странная иллюзия: будто дом открывает свою душу, но при этом умело прячет самое главное.

Гости из Еревана и далёкой Сибири подъехали к дому с широкими серыми стенами. Ворота состояли из двух частей: отдельная калитка во двор и массивный вход в гараж. Дом казался маленькой одноэтажной крепостью: словно в него вел только один путь, и только сами стены знали, где настоящие двери.

Белая «шестерка» мягко затормозила у калитки. Здесь уже ждали люди, которые целый месяц готовились к этой встрече. Первая стояла Лала — красивая женщина лет тридцати пяти. Ее большие глаза, глубокие и тёплые, светились

ожиданием и волнением. Рядом — её дочь Зара, девочка с бархатными каштановыми волосами, и сын — веснушчатый, лопоухий мальчишка Гриша.

— Боже мой, как вы выросли! — воскликнула Шушаник, подбегая и обнимая Зару. — Зарочка, подружка моя! Я тебе привезла новую косметику!

— Это необязательно было… Ей ещё учиться, не до косметики, — тихо, но уверенно поправила её Лала, чуть дернув сестру за рукав, как делала это всегда в детстве.

Сёстры крепко, почти отчаянно обнялись.

К ним подошла Севела — одна из младших сестёр — держа в руках тяжеленный чемодан, который явно не стоило поднимать ей одной. Три сестры прижались друг к другу так, будто боялись, что кто-то снова исчезнет. Лала смотрела на их родные лица и уже не могла сдерживать слёз — это были слёзы возвращения, облегчения, жизни. Она не видела их со времён войны. Казалось, что никогда больше не наступит день, когда она сможет просто стоять под мирным небом и обнимать своих родных.

Тем временем Бабо целовала своих повзрослевших внуков — Зару и Гришу. Она тоже не видела их почти три года. Когда город оказался окружён, когда дороги перекрыли, а связь пропала, Бабо жила только молитвой. Несколько месяцев ни одной вести. Пока однажды соседка не принесла смятое письмо, доставленное последним солдатом, вернувшимся в Ереван после ранения. Это было письмо жизни. Лала

писала дрожащей рукой, тупым карандашом:

«Мама, мы живы. Дети со мной. Мы в подвале. Нас бомбят. Скоро будет осада Шуши. Еды мало, но лето близко. Степа посадил помидоры, огурцы, даже баклажаны. Молись, чтобы осколки не долетели до двора. Мамочка, я люблю тебя. Молись за нас».

Письмо пришло уже после осады… после того, как город пал. Солдат, который его принес, участвовал в операции «Свадьба в горах», получил ранение и только чудом выжил.

Теперь, стоя перед своей матерью, Лала казалась одновременно и взрослой, и маленькой девочкой. Бабо видела: дочь повзрослела, постарела. То, что она пережила — не поддавалось словам. Пока её ровесницы жили обычной жизнью — ходили на работу, думали об отпуске, выбирали новую одежду — Лала считала минуты между взрывами, укладывала детей спать, закрывая им уши ладонями, делила на троих кусочек старого сыра, надеясь, что завтра будет хоть что-то другое. Объятие матери и дочери длилось долго — слишком долго для обычной встречи и слишком мало для тех лет, которые они потеряли. Они держались головами друг за друга, будто боялись отпустить. Казалось, что их дыхания и сердцебиение сплелись, как когда-то в утробе тридцать пять лет назад.

— Ну всё, Лала… мама приехала. Потом обниметесь. Гости устали, голодные. Женгялов хац надо есть горячим, — осторожно вмешался Степан, который, несмотря на стро-

гость, всегда заботился о своей жене.

Родные вошли в дом. Позади, почти забытые всеми, плелись двое уставших дети Севелы — ещё одной сестры. Нина еле держалась на ногах и думала, что мама специально придумала все эти мучения: душное маршрутное такси, бесконечные серпантины, резкий запах сигаретного дыма от водителя, шумный автовокзал, крики усатых дядек, и теперь — жара и толпа незнакомых людей.

— Мама, где мы? — прошептала она.

Севела наклонилась, провела рукой по её спутанным волосам и сказала:

— Там, где и должны быть. Дома.

Говорящий дом

Дорога далась детям Севелы нелегко. Хоть они с рождения путешествовали — то летели на самолётах на дальние расстояния, то пересекали бесконечные прямые дороги Сибири — испытания величественных, крутых Сюникских и Арцахских гор оказались для них непосильным испытанием. Только спустя сутки дети окончательно пришли в себя. Долгий, глубокий сон вернул им силы, спокойствие и позволил наконец понять, куда же привезла их мама.

Дом Степы и Лалы был одноэтажным, словно частично врезанным в землю — так, что казался укоренившимся в почву. Перед домом раскидывалась зеленая лужайка, напоминавшая ухоженные американские газоны. В самой середи-

не стояли бело-синие железные качели, которые тихо покачивались на ветру. Лужайка с двух сторон — слева и спереди — была окружена металлической сеткой, за которой начинался сад, наполненный густой тенью плодовых деревьев: гранат, королёк, яблони, грецкий орех. Слева, в тёплом уголке сада, росли маленькие сочные помидоры, кривоватые зелёные перцы и пухлые огурцы. С правой стороны лужайки находилась летняя кухня. Она была закрыта белой крашеной стеной, но имела большие квадратные проемы вместо окон. На подоконниках лежали глиняные горшки с цветами, сушёный кизил и широкие подносы, затянутые марлей — под ней медленно сушились груши, алыча, яблоки. Заготовки к зиме начинались ещё с июня. Летняя кухня была просторной. В центре стоял большой круглый стол, накрытый разноцветной клеенчатой скатертью. Вокруг — пёстрые деревянные стулья. У стены — длинная скамейка, укрытая сложенным одеялом. В глубине кухни помещался старый красный диван, накрытый советским голубым пледом с орнаментом. В конце — дверь, строго запрещённая для детей. Это был тайник Степы, где он аккуратно разложил свои рабочие инструменты, хозяйственные принадлежности и всё, что нужно для ухода за двором. Через маленький чулан проходила ещё одна, самая загадочная дверь. Оттуда исходил едкий запах живности — смесь перьев, тепла и птичьего помета.

— Там живёт жар-птица, — уверяла Бабо своих внуков. — Степа поймал её на войне. Она спасалась от гиен, а он её

выручил. Вот и принес домой.

Дети слушали, затаив дыхание, и мечтали о том времени, когда дядя Степа наконец откроет им дверь и покажет чудесную птицу. Сам дом был небольшим, но уютным. Вход в длинную прихожую освещался ярким светом, падающим из больших окон, которые в этих краях называли шушабянд. Посередине прихожей, у стены, стояло трюмо, а на нём — странная коричневая статуэтка младенца с крыльями, как бы намекая на ангельские крылья. Дочь Севелы,

Нина, названная в честь свекрови, в первый день характеризовала статуэтку по-своему- «Малыш в шоколаде», и эта фраза надолго стала семейной шуткой.

Сын Севелы — Арам — названный просто потому, что имя понравилось — больше всего полюбил гостиную. Она начиналась сразу с прихожей, и мальчика удивило, что половина окон выходила во двор, а остальные — прямо в прихожую, создавая ощущение света и воздуха. В гостиной было три двери. Первая, маленькая, вела в зимнюю кухню — тесную, но уютную: глянцевая мебель цвета хаки, красный масляный пол, крошечное окно. Вторая, двухстворчатая, открывалась в хозяйскую комнату — просторную, с множеством мебели, покрывал, шкафов и запахом нафталина, который напоминал о старых временах. Третья дверь, тоже двухстворчатая, вела в милую девичью комнату. В ней стояла кремовая мебель, большая кровать с голубым покрывалом, восточного стиля кушетка, а в углублении стены располагались пол-

ки — настоящая мини-библиотека, полная книг. Дом дышал жизнью — и своей, и той, что принесли в него новые гости.

Каждый вечер в дом Лалы и Степы приходило множество гостей: от самых младших до самых старших родственников, друзья, знакомые, соседи и даже друзья соседей. Все умещались, никто никому не мешал. Дети играли в саду, прятались между деревьями и гонялись друг за другом. Молодёжь занимала старый диван в тени и азартно раскладывала карты. Взрослые собирались за большим круглым столом, пили горячий чай из старого серебристого самовара, а в особенно жаркие вечера все дружно рассаживались вокруг огромного сладкого красного арбуза, который привезли из *Гадрута*[10].

— Севела, ну рассказывай, как ты в детстве боялась Шушаник? — смеясь просила Лала.

— Ещё как боялась! — рассказывала Севела, тоже смеясь. — Я не могла выговорить букву «р», а она заставляла меня на всю улицу кричать её, чтобы я научилась ее окончательно выговаривать.

— Да ладно тебе?! — возражала Шушаник. — Я не заставляла, я учила! Зато теперь свёкра можешь спокойно позвать. Не говоришь же «Лубик», вместо «Рубик»!

За столом раздавался громкий, звенящий смех. Особенно всех веселил смех самой Шушаник — она каждый раз поднимала его на такую высоту, что даже окна дрожали. Однажды раздался телефонный звонок: соседи Лалы сообщили,

---

[10] Город и исторический район южного Арцаха (Карабаха).

что уже знают о приезде сестры — по её звонкому, переливчатому смеху.

Дети Севелы то и дело подбегали к матери, дёргали её за платье и просили перевести слова, которые говорили местные дети. Карабахский диалект был им совершенно незнаком.

Только несколько выражений они понимали — те, что слышали с раннего детства от Бабо:

«Матаг иним», «Унцус?[11]*», «Штегис?*[12]*», «Киням*[13]*»*. Обычный, неспешный бытовой разговор они ещё могли разобрать, но быстрые детские слова были для них таинственным набором звуков.

Каждый вечер к восьми Бабо уходила в сад и усаживалась на старую железную кровать под древней яблоней. Затем ложилась на сетку, покрытую тёплым, чуть колючим шерстяным одеялом, и смотрела на звёздное карабахское небо, такое близкое и густое, будто вот-вот упадёт на землю. Дети подбегали к ней, играя в войну: визжали, размахивали пал-

---

[11] Выражение из арцахского (карабахского) диалекта армянского языка.В разговорной речи означает: «Как дела?», «Как ты?», «Как поживаешь?».

[12] Выражение из арцахского (карабахского) диалекта армянского языка.В разговорной речи означает: «Где ты?».

[13] Выражение из арцахского (карабахского) диалекта армянского языка.В разговорной речи означает: «Пойду».

ками, «стреляли» друг в друга. Нина остановилась, посмотрела на Бабо и спросила:

— Бабо, а почему ты одна? Тебе не страшно в лесу?

— *Матаг иним*[14], не страшно, — улыбнулась старушка. — Это не лес. Это маленький садик. Вот когда ваша мама и тётя-хохотушки отвезут нас домой, тогда увидишь настоящий лес — большой, дремучий. И там, на горе, есть озеро. В нём волшебные рыбки живут. А речка рядом — будто из стеклянных кристаллов.

---

[14] «Մատաղ ինիմ» (матаг иним) — тёплое армянское и карабахское выражение любви, заботы и ласки. Дословно переводится как: «Пусть я стану жертвой ради тебя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.